

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА / THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.1:34.0

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1370-1378>

А. В. СКОРОБОГАТОВ¹,
АЛИ АББУД МАЛИК²

¹ Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова, г. Казань, Россия

² Колледж Искусств – Университет Багдада, г. Багдад, Ирак

ЛЕГИТИМАЦИЯ ЗАКОНА В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Контактное лицо:

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, профессор,
Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

Адрес: 420101, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

Али Аббуд Малик, доцент кафедры современной философии, Колледж Искусств –
Университет Багдада

Адрес: Ирак, Багдад, Каррада, Аль-Джадрия, тел.: + 964 1-778-7086

E-mail: ali-mohamedaoi@hotmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4820-3646>

Web of Science Researcher: <https://publons.com/researcher/3022825/>

Цель: исследование философских и социальных механизмов легитимации закона в современном юридическом дискурсе.

Методы: методологическую основу исследования составляет концепция юридического дискурса Ю. Хабермаса, позволяющая рассмотреть заявленную проблему в контексте правового взаимодействия государства и общества с учетом современных тенденций социального и юридического развития.

Результаты: сделан вывод, что процесс легитимации закона в современных условиях носит конвенциональный характер, предполагающий установление взаимных прав и обязанностей государства как правотворца и общества как субъекта и объекта государственной деятельности. Как субъект общество обеспечивает юридический дискурс необходимой интерпретацией социальных потребностей и формирует легитимный образ закона, реализация которого основана на социально активном поведении граждан. Как объект общество является центральным элементом целеполагания государственного правотворчества, направленного на создание и поддержание безопасности и правопорядка. Только при тождественности восприятия государством образов объективных и субъективных социальных потребностей правотворческая деятельность и правореализация получают необходимую легитимность.

Научная новизна: на основе дискурс-анализа социального развития выявлены особенности механизма легитимации закона в современных условиях. В частности, закон, созданный с помощью этого механизма, будет характеризоваться следующими признаками: а) выступает в качестве посредника во взаимодействии между политической системой и человеком (государственное управление и экономическая система); б) выступает в роли системы правил, регулирующей отношения между государством и обществом на индивидуальном и нормативном уровне правового регулирования. Юридические нормы, устанавливающие запреты, должны быть обоснованы с точки зрения морального

и политического дискурса. Это обоснование становится элементом их легитимации и свидетельствует о достижении социального консенсуса по отношению к притязаниям государства на право – обязанность формировать и поддерживать общественную безопасность и правопорядок.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов о сущности и содержании правового развития.

Ключевые слова: теория и история права и государства; легитимация; юридический дискурс; закон; правовая коммуникация; правовое взаимодействие

Конфликт интересов: авторами не заявлен.

Как цитировать статью: Скоробогатов А. В., Али Аббуд Малик. Легитимация закона в юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13, № 3. С. 1370–1378. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1370-1378>

A. V. SKOROBOGATOV¹,

ALI ABBOOD MALIK²

¹ *Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia*

² *College of Arts – Baghdad University, Baghdad, Iraq*

LEGITIMATION OF LAW IN JURIDICAL DISCOURSE

Contact:

Andrey V. Skorobogatov, Doctor of History, Professor, Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov

Address: 42 Moskovskaya Str., 420101 Kazan, tel.: +7 (843) 231-92-90

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

Web of Science Researcher: <http://www.researcherid.com/rid/J-4391-2016>

Ali Abbud Malik, Assistant Professor, Contemporary Philosophy, Department of Philosophy, College of Arts – Baghdad University

Address: Iraq, Baghdad, Karrada, Al-Jadriya, tel.: + 964 1-778-7086

E-mail: ali-mohamedaoi@hotmail.com

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4820-3646>

Web of Science Researcher: <https://publons.com/researcher/3022825/>

Objective: to study the philosophical and social mechanisms of legitimization of law in the modern legal discourse.

Methods: the methodological basis of the study is the concept of legal discourse by Y. Habermas, which allows considering the said issue in the context of legal interaction between the state and society, taking into account the modern trends of social and legal development.

Results: it is concluded that the process of legitimization of law under modern conditions is of a conventional nature, implying the establishment of mutual rights and obligations of the state as a lawmaker and the society as a subject and object of state activity. As a subject, the society provides legal discourse with the necessary interpretation of social needs and forms a legitimate image of law, the implementation of which is based on socially active behavior of citizens. As an object, the society is the key element of the goal-setting of state law-making aimed at the creation and maintenance of security and legal order. The legislative activity and law enforcement acquire the necessary legitimacy only when the state's perceptions of the images of objective and subjective social needs are identical.

Scientific novelty: based on the discourse analysis of social development, the features of the law legitimization mechanism under modern conditions are revealed. In particular, the law created by this mechanism will be characterized by the following features: a) it acts as an intermediary in the interaction between the political system and a person (public administration and the economic system); b) it acts as a system of rules governing relations between the state and society at individual and normative levels of legal regulation. The legal norms establishing prohibitions must be justified in terms of moral and political discourse. This justification becomes an element of their legitimization and indicates the achievement of social consensus in relation to the claims of the state to its right/duty to form and maintain public security and the rule of law.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity when considering the nature and content of legal development.

Keywords: Theory and history of law and state; Legitimization; Legal discourse; Law; Legal communication; Legal interaction

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the authors.

For citation: Skorobogatov A. V., Ali Abbood Malik. Legitimation of law in juridical discourse, *Actual Problems of Economics and Law*, 2019, Vol. 13, No. 3, pp. 1370–1378 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.13.2019.3.1370-1378>

Постановка проблемы. Современный этап истории человечества характеризуется интенсивным разрушением социальных институций тоталитарных обществ, осуществляемых как внутренними, так и внешними силами, и активными поисками новых форм общественной жизни. Изменение социальных идеалов сопровождается развитием новых государственно-правовых явлений демократической направленности. Это обуславливает необходимость проведения философско-правовых и теоретико-правовых исследований современного общества, в том числе в области взаимодействия юридического и социального. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в исследовании проблемы легитимации права, которая, по словам О. Хеффе, выступает в качестве одной из центральных проблем философии права [1].

Анализ исследований и достижений. Обращение к языковым проблемам развития общества, в том числе роли языка права в определении нормативных границ социальной жизни, произошло в 1960-е гг. в связи с лингвистическим поворотом в гуманитарных науках (D. Mellinkoff [2], W. M. O'Barr [3]). В 1980–1990-е гг. наиболее активно изучалась проблема дискурсивности права. Прежде всего, можно назвать работы Jü. Habermas [4], M. Van Hoeske [5], написанные с позиций коммуникативной теории права, и труды R. Alexy [6] и Ch. Perelman [7], созданные в русле аргументативной теории права. В России дискурсивность права стала предметом исследования философов, юристов и лингвистов с начала 2000-х гг. Можно отметить работы Т. В. Дубровской [8], М. В. Коноваловой [9], О. А. Крапивкиной [10], И. В. Палашевской [11], А. В. Полякова [12], А. В. Skorobogatova [13], Н. Г. Храпцовой [14], И. Л. Честнова [15]. Своеобразным итогом размышлений о сущности, содержании и функционировании юридического дискурса стал

опубликованный в 2017 г. сборник статей российских и зарубежных авторов «The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse» [16].

Проблема легитимации закона и права интересует российских и зарубежных ученых с конца XIX в. В первую очередь к ней обратились представители социологии права (M. Weber [17], G. Jellinek [18], P. Bourdieu [19], N. Luhmann [20], Jü. Habermas [21]), а также социологи ориентированных теорий правопонимания (Л. И. Петражицкий [22], С. Schmitt [23]), рассматривая ее в контексте роли общества в формировании позитивного права. Среди современных российских ученых, обратившихся к проблеме легитимации права, можно назвать Н. Н. Вопленко [24], В. В. Денисенко [25], И. А. Исаева [26], А. В. Краснова [27], И. Л. Честнова [28]. Своеобразным итогом исследования данной проблемы стала опубликованная в 2019 г. коллективная монография «Легитимация права» [29].

Вышеизложенное определило **цель статьи:** исследовать философские и социальные механизмы легитимации закона в современном юридическом дискурсе.

Изложение основного материала. Вопрос о субъектах, правомочных издавать законы, был поставлен еще в древности и сохраняет свою актуальность в философии и теории права до настоящего времени. Этот вопрос имеет не только теоретический, но и практический характер. Это связано с дискурсивностью законов, их ориентацией не только на внутреннее содержание, но и на участие в социальной и правовой коммуникации и как самостоятельного объекта, и как средства взаимодействия между субъектами.

Однако участие закона в широком смысле этого слова в правовой коммуникации обладает дихотомизмом. С одной стороны, благодаря правилам, установленным законом, участники правового взаимодействия осу-

шествляют самоидентификацию [30], обеспечивают конвенциональное создание и поддержание порядка в обществе. С другой стороны, именно благодаря социальной конвенции законы, созданные как церковью, так и государством, приобретают легитимность [31].

Закон, созданный с помощью этого механизма, будет характеризоваться следующими признаками:

1. Выступает в качестве посредника во взаимодействии между политической системой и человеком (государственное управление и экономическая система [32]).

2. Выступает в роли системы правил, регулирующей отношения между государством и обществом на индивидуальном и нормативном уровне правового регулирования.

Рассмотрение закона как функции (средства), которое требует морального обоснования, предполагает выделить два типа закона: часть законов утверждают нормативные правила и дают возможность выбора вариантов поведения (носят диспозитивный характер); другие законы выступают как жестко закрепленные системы правил, соблюдение которых является обязательным (носят императивный характер). Это обуславливает совершенно различные формы рационализации закона. Рациональность первого вида законов обеспечивается их формой, содержанием и готовностью человека соблюдать эти правила, руководствуясь внутренним убеждением в их правильности и необходимости для поддержания правопорядка и обеспечения безопасности человека. Рациональность второго вида законов обеспечивается принудительной силой субъекта, который установил данные правила. Эффективность их реализации и обеспечения безопасности и правопорядка зависит от степени эффективности механизма правового регулирования.

В то же время закон не может носить универсальный характер. Его содержание обусловлено социальным дискурсом, имеющим общекультурный характер и включающим в себя в том числе моральные и религиозные компоненты. Задача закона – обеспечить безопасность человека и общественный правопорядок, т. е. бесконфликтное сосуществование членов определенного сообщества в рамках определенных правовых традиций и социального правового опыта, с помощью которых осуществляется правовая коммуникация между поколениями. Одновременно закон должен отражать изменения в социально-экономической, политической

и культурной жизни общества, устанавливая правила, которые будут способствовать не только консервации правопорядка, но и его развитию и функционированию на принципиально новом уровне.

В современном мире это предполагает вторжение закона в сферы жизни, которые традиционно являлись объектом иных систем социального регулирования, прежде всего религии. Это означает не только расширение пределов правового регулирования, но и возможность законодательно определить границы религиозного дискурса, тем самым сделав его рациональным.

Взаимодействие религиозного и юридического дискурсов имеет достаточно давние традиции. Эти системы традиционно являются, хотя и не равными, партнерами политического процесса, в том числе обеспечения безопасности и правопорядка общества.

Эволюция их взаимодействия происходила следующим образом:

1. Первоначально закон был инициирован религиозными деятелями как средство детализации универсальных положений священного текста применительно к условиям конкретного государства в границах определенного социального хронотопа.

2. Осознание государственной властью ограничительного характера религиозного дискурса и создание специального законодательства для защиты от абсолютной (универсальной) гегемонии священнослужителей не только в духовной, но и политической сфере. Это стало методологической основой для юридического определения правового статуса духовенства и рассмотрения его лишь в качестве одной из социальных групп, не имеющей никаких преимуществ перед другими в политической и юридической сфере.

3. Формирование государственной властью общего правового статуса личности без учета ее социального происхождения и сферы профессиональной занятости. На практике это означало уравнение представителей духовенства с иными гражданами, что свидетельствовало не только о потере ими своей роли в политической и духовной жизни, но и сокращении социального пространства религиозного дискурса.

Исходя из вышесказанного, юридические нормы, прежде всего устанавливающие запреты, должны быть обоснованы с точки зрения морального и политического дискурса. Это обоснование становится элементом их легитимации и свидетельствует о достижении социального консенсуса по отношению

к притязаниям государства на право – обязанность формировать и поддерживать общественную безопасность и правопорядок.

Это соответствует постметафизическому этапу развития общества, который лучше всего иллюстрируют слова Ю. Хабермаса: «Демократическая процедура производства права, очевидно, формирует только постметафизический¹ источник легитимности. Но что придает этой процедуре легитимную силу? Теория дискурса дает на этот вопрос простой и, на первый взгляд, маловероятный ответ: демократическая процедура позволяет свободно изменять вопросы и материалы, информацию и причины; это гарантирует дискурсивный характер для формирования политической воли и тем самым обосновывает ошибочное предположение о том, что результаты, вытекающие из надлежащей процедуры, являются более или менее разумными. Эти соображения обеспечивают аргументы в пользу теоретико-дискурсивного подхода» [34].

Благодаря демократической системе прав и свобод граждане приобретают легальную способность защищать себя от произвольной деятельности государства и его органов. Однако существует большая опасность крайних проявлений демократии. С одной стороны, развитие законодательных ограничений прав и свобод человека может привести к максимальному усилению государства и его перерождению в тоталитарное. С другой стороны, усиление позиций человека по защите своих прав, в том числе в политической сфере, способно привести к ослаблению государственного механизма, что в конечном итоге может обернуться не только кризисом государства, но и его полным уничтожением [35]. Чтобы избежать этих крайностей, необходимо предпринять два шага: легальное расширение участия граждан в формировании и функционировании политической системы и освобождение человека и общества от гегемонистского господства политической и религиозной власти. Нам представ-

ляется, что данные мероприятия должны быть проведены в определенной последовательности:

– Создание демократической системы, которая будет обеспечивать легальную и легитимную юридическую практику. Обеспечение устойчивой корреляции между нормативной и правоприменительной деятельностью в сфере защиты прав человека.

– Установление приоритета индивидуальных прав и свобод человека и гражданина по отношению к политическим правам. Законодательное закрепление принципа прямого действия прав человека.

– Создание нормативных гарантий прав и свобод человека и гражданина не только в социальной, но и экономической сфере. Государственная и общественная поддержка частной инициативы и создание социальных механизмов удовлетворения индивидуальных потребностей человека.

– Обеспечение свободы мысли и слова. Недопущение преследования человека за инакомыслие, в том числе как за религиозные убеждения, так и за их отсутствие.

Подобный характер процесса установления гарантий прав и свобод человека связан с дихотомичной природой юридической нормы, которая может выступать либо как приказ, устанавливающий запрет или обязанность, либо как дозволение, предоставляющее субъекту возможность выбора с учетом его индивидуальных интересов. Однако независимо от формы нормы имеют юридическую силу и оказывают влияние на общество лишь при одновременной гарантии государством двух вещей: 1) государство обеспечивает умеренное соблюдение правил, использует мотивированное наказание в случае необходимости; 2) государство должно гарантировать предварительные условия для формирования легальных правил как материального, так и процессуального характера. В совокупности это будет не только обеспечивать правопорядок, но и способствовать формированию и поддержанию уважения к закону [34].

С точки зрения социальной теории, закон выполняет социально интегрированные функции наряду с конституционно организованной политической системой. При этом закон обеспечивает страховку тем, кто не смог добиться социальной интеграции. Он действует как своего рода посредник, который закрепляет поведенческие стандарты для обеспечения действительного равенства как субъектов права, так

¹ Постметафизика – термин, предложенный Ю. Хабермасом, чтобы указывать на мифическую и метафизическую фазы, в которых он видит связь с производством позитивных ненаучных тенденций, основанных на метафизических измерениях как на принципах, которые не вытекают из реальности их собственного мира (природного мира). Постметафизический этап развития общества проявляется как продукт взаимодействия и риторического консенсуса относительно разумных рационализаций каждого из трех миров (субъективного, социального и природного) [33].

и различных дискурсов в процессе правовой коммуникации. Взаимодействие субъектов права может осуществляться как в абстрактной, так и в связанной форме. Благодаря этому они могут перейти к организованному дискурсу, опосредованному другими участниками дискурса. Это синтаксическое сходство между законом и коммуникативным действием объясняет, почему юридический дискурс и, следовательно, рефлексивные формы коммуникативного действия закона играют конструктивную роль в выработке и применении юридических норм.

Однако современный правовой порядок обеспечивается не только государством, но и гражданами. Легитимность закона и действий государственной власти обеспечивается унифицированностью юридического и правового дискурса. Государство должно понимать социальные и индивидуальные потребности граждан, закрепляя их реализацию законодательно. Граждане должны понимать текст закона и быть уверены, что государство их защищает и создает условия для реализации их интересов. В этом случае их правовое поведение будет являться социально активным, основанным на внутреннем убеждении, что соблюдение законов является необходимым элементом не только поддержания порядка, но и гарантией их поступательного развития.

Интеграция закона и конституционно организованной политической системы не должна основываться на принудительных механизмах, если она создается на конвенциональной основе. Граждане должны воспринимать себя как субъекта, который является «автором» закона, которому они подчиняются.

Несмотря на усложнение социального развития в условиях мультикультурализма и информационного общества, легитимация закона не превращается в стихийный процесс. По-прежнему центральным звеном политической системы выступает государство. Именно созданный государством юридический дискурс обеспечивает правила, по которым возможна реализация фактических потребностей поликультурного населения. Эти правила являются единственными, которые направлены на достижение рационального консенсуса с целью обеспечения конституционного порядка как на уровне индивидуальной коммуникации субъектов права, так и их взаимодействия с государством [36].

Конвенциональный характер закона обеспечивается в процессе правовой коммуникации. Рациональный подход к созданию и содержанию закона одновременно

обеспечивает прозрачность методов социального воздействия на человека и позволяет рассматривать сконструированные условия для реализации прав и свобод человека и гражданина как требование коммуникации.

Для достижения данного консенсуса все участники правовой коммуникации должны обладать равным правовым статусом. Однако это невозможно в условиях государственно организованного общества. Поэтому успешность правового взаимодействия зависит от готовности субъектов воспринимать друг друга как равноценных, использовать в правовой жизни не только собственный опыт и традиции, но и приобретенный у иных субъектов в процессе коммуникации [37].

Речь при этом идет не только о гражданине, но и о государстве. Именно готовность государства к признанию ценности человека и гражданина позволяет учитывать в процессе законотворчества и правоприменения интересы и потребности различных социальных групп. Осознание индивидом и (или) группой признания их интересов со стороны государства фактически означает достижение конвенции и создает условия для социально активного характера правореализации. В совокупности это позволяет обеспечить верховенство закона и законность демократии (как режима и процедуры).

Неравенство государства по отношению к иным субъектам в процессе правового взаимодействия обуславливает необходимость решения вопроса об устойчивости достигнутой конвенции, если законодатель способен в любое время изменить или отменить закон. При этом мотив такого действия может быть связан не только с социальными потребностями, но и диктоваться идеологией, в том числе религиозной. По мнению Ю. Хабермаса, устранение подобной ситуации должно обеспечиваться процессом легитимации закона. Легитимность при этом выступает как средство защиты индивидуального суверенитета и суверенитета человека как гражданина. Источником легитимности одновременно выступают суверенитет народа и права человека [38].

«Принцип народного суверенитета является обязательным условием для легитимности закона при демократии и дает гражданам право на равное участие в кристаллизации общественной воли, которая является природой правового института, и определения своей политической воли» [39]. Внутренняя связь между суверенитетом народа и правами человека до-

стигается тем, что последние создают условия общенности, необходимые для формирования рациональной политической воли демократического характера.

Это дает большой простор для человеческой воли, направленной на освобождение от диктата политической системы, чтобы узаконить ее и добиться эффективного участия граждан в формировании политического решения, с одной стороны, и правового законодательства, которое имеет для них значение, с другой. Закон в этом не может быть независимым от общества и не может развиваться самостоятельно.

Закон является неотъемлемой частью конструирования общества. Он является средством воздействия государства на поведение человека с целью обеспечить безопасность и правопорядок. Однако личная свобода, защищенная законом, является необходимым условием для законной системы принятия решений, выступает коммуникативной морально-правовой силой. Только когда участники правовой коммуникации свободны в своем выборе и своих действиях, они могут отвергать нормативные аргументы, которые приводят к незаконным результатам [40].

Закон может быть легитимным в смысле преобразования его в практический и моральный дискурс

не потому, что он включает в себя реальные этические и осязаемые ценности, а потому, что он основан на рационализме практической концептуальной концепции, представленной демократическими принципами в законодательстве и правоприменительной практике [41].

Выводы

Таким образом, процесс легитимации закона в современных условиях носит конвенциональный характер, предполагающий установление взаимных прав и обязанностей государства как правотворца и общества, как субъекта и объекта государственной деятельности. Как субъект общество обеспечивает юридический дискурс необходимой интерпретацией социальных потребностей и формирует легитимный образ закона, реализация которого основана на социально активном поведении граждан. Как объект общество является центральным элементом целеполагания государственного правотворчества, направленного на создание и поддержание безопасности и правопорядка. Только при тождественности восприятия государством образов объективных и субъективных социальных потребностей правотворческая деятельность и право-реализация получают необходимую легитимность.

Список литературы

1. Хёффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства: пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 319 с.
2. Mellinkoff D. The Language of the Law. Boston: Little, Brown and Co., 1963. XIV, 454 p.
3. O'Barr W. M. Linguistic evidence: Language, power, and strategy in the courtroom. (Studies on Law and Social Control). New York: Academic, 1982. XV, 192 p.
4. Habermas J. The theory of communicative action. Boston: Beacon Press, 1984. Vol. 1–2.
5. Van Hooft M. Law as Communication. Oxford: Hart Publishing, 2002. 215 p.
6. Alexy R. Begriff und Geltung des Rechts. 2. Aufl. Freiburg (i.B.). München: Karl Alber, 1994. 215 s.
7. Perelman Ch. Ethique et Droit. Bruxelles: Editions de l'Université de Bruxelles, 2012. 832 p.
8. Дубровская Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М.: Академия МНЭПУ, 2010. 351 с.
9. Коновалова М. В. Эвокационная категория когерентности на примере юридического дискурса: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2014. 144 с.
10. Крапивкина О. А. Субъект в условиях юридического дискурса: лингвопрагматический анализ: монография. Иркутск: ИРНТУ, 2015. 154 с.
11. Палашевская И. В. Судебный дискурс: функции, структура, нарративность: монография. Волгоград: Парадигма, 2012. 346 с.
12. Поляков А. В. Коммуникативное правопонимание: Избранные труды. СПб.: Алеф-Пресс, 2014. 575 с.
13. Скоробогатов А. В. Ценностная детерминация юридического дискурса // Правовая культура. 2019. № 2. С. 30–38.
14. Храмцова Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: монография. Курган: Изд-во Курганского государственного ун-та, 2012. 180 с.
15. Честнов И. Л. Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб.: СПб юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 2000. 104 с.

16. The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse / Giltrow J.; Stein D. (eds.). Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2017. XI, 373 p.
17. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Einleitung // Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. Tübingen. 1920. Bd 1. S. 237–275.
18. Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. Bd. 1: Das Recht des modernen Staates. Berlin: Verlag von O. Häring, 1905. 835 s.
19. Bourdieu P. La force du droit: éléments pour une sociologie du champ juridique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1986. № 64. Pp. 3–19.
20. Luhmann N. Macht. 4. Aufl. Konstanz; München: UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2012. 179 s.
21. Habermas J. Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1973. 195 s.
22. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 608 с.
23. Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 70 p.
24. Вопленко Н. Н. Законность и легитимность // Новая правовая мысль. 2003. № 1. С. 11–14.
25. Денисенко В. В. Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 184 с.
26. Исаев И. А. Легитимность и легальность в конституционном процессе // История государства и права. 2012. № 6. С. 2–6.
27. Краснов А. В. Легитимность права: аксиологический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 87–90.
28. Честнов И. Л. Легитимность как признак права // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 71–77.
29. Легитимность права: коллективная монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. СПб.: Алетейя, 2019. 496 с.
30. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия. М.: Проспект, 2015. 232 с.
31. Cliteur P., Ellian A. A New Introduction to Jurisprudence: Legality, Legitimacy and the Foundations of the Law. London: Routledge, 2019. 222 p.
32. Формы и методы государственного управления в современных условиях развития: монография / Б. В. Россинский, А. И. Стахов, С. В. Запольский и др.; под ред. С. В. Запольского. М.: Прометей, 2017. 394 с.
33. Habermas J. Postmetaphysical thinking: Philosophical essays. Cambridge; London: The MIT Press, 1992. 241 p.
34. Habermas J. Postscript to Between Facts and Norms // Habermas, Modernity and Law / Deflem M. (ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1996. P. 136.
35. "سامر بابه دن عيقوق حل او يساي سلا ركفلا يف ءءارق: شق انملا ءيرظنو قحلا ءلود"، زوز عم يل عل دب ع. 111ص.
36. Johnson P. Habermas: Rescuing the public sphere. London, New York: Routledge, 2006. P. 85.
37. Habermas J. Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996. P. 298.
38. Habermas J. Nachholende Revolution und linker Revisionsbedarf. Was heißt Sozialismus Heute? // Habermas J. Die Nachholende Revolution. Kleine Politische Schriften. VII. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1990. S. 186.
39. 191ص، 2005، 1ط، توريب، يب عل اي فاقشلا زكفرملا، ءيل ص او تلاء ءيدقنلا ءيرظنلا: بتروفكفن ارف س ردمو سامر بابه ن غروي، بقصم ن س ح.
40. Froomkin A. M. Habermas@Discourse.Net: Toward a Critical Theory of Cyberspace // Harvard Law Review. 2003. Vol. 116. № 3. January. P. 757.
41. Deflem M. Introduction: Law in Habermas's theory of communicative action // Habermas, Modernity and Law / Deflem M. (ed.). London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 1996. P. 12.

References

1. Kheffe O. Politics. *Law. Justice. Fundamentals of critical philosophy of law and state*, Moscow, Gnozis, 1994, 319 p. (in Russ.)
2. Mellinkoff D. *The Language of the Law*, Boston, Little, Brown and Co., 1963, XIV, 454 p.
3. O'Barr W. M. *Linguistic evidence: Language, power, and strategy in the courtroom. (Studies on Law and Social Control)*, New York, Academic, 1982, XV, 192 p.
4. Habermas J. *The theory of communicative action*, Boston, Beacon Press, 1984, Vol. 1–2.
5. Van Hooft M. *Law as Communication*, Oxford, Hart Publishing, 2002, 215 p.
6. Alexy R. *Begriff und Geltung des Rechts. 2. Aufl. Freiburg (i.B.)*, München, Karl Alber, 1994, 215 s. (in Germ.).
7. Perelman Ch. *Ethique et Droit*, Bruxelles, Editions de l'Université de Bruxelles, 2012. 832 p.
8. Dubrovskaya T. V. *Judicial discourse: speech behavior of a judge (by the example of the Russian and English languages)*, Moscow, Akademiya MNEPU, 2010, 351 p. (in Russ.).
9. Konovalova M. V. *Evocation category of coherence by the example of juridical discourse*, Chelyabinsk, Entsiklopediya, 2014, 144 p. (in Russ.).
10. Krapivkina O. A. *Subject under juridical discourse: linguo-pragmatic analysis*, Irkutsk, IRNITU, 2015, 154 p. (in Russ.).

11. Palashevskaya I. V. *Judicial discourse: functions, structure, narrative character*, Volgograd, Paradigma, 2012, 346 p. (in Russ.).
12. Polyakov A. V. *Communicative interpretation of law: Selected works*, Saint Petersburg, Alef-Press, 2014, 575 p. (in Russ.).
13. Skorobogatov A. V. Value determination of juridical discourse, *Pravovaya kul'tura*, 2019, No. 2, pp. 30–38 (in Russ.).
14. Khrantsova N. G. *Discourse-legal analysis: from theory to practice of application*, Kurgan, Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo un-ta, 2012, 180 p. (in Russ.).
15. Chestnov I. L. *Law as dialogue: on forming the new ontology of legal reality*, Saint Petersburg, SPb yuridicheskii institut General'noi prokuratury RF, 2000, 104 p. (in Russ.).
16. *The Pragmatic Turn in Law: Inference and Interpretation in Legal Discourse*, Giltrow, D. Stein (eds.), Berlin, Boston, De Gruyter Mouton, 2017, XI, 373 p.
17. Weber M. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Einleitung, *Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie*, Tübingen, 1920, Bd 1, s. 237–275 (in Germ.).
18. Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre. Bd. 1: Das Recht des modernen Staates*, Berlin, Verlag von O. Häring, 1905, 835 s. (in Germ.).
19. Bourdieu P. La force du droit: éléments pour une sociologie du champ juridique, *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1986, No. 64, pp. 3–19.
20. Luhmann N. *Macht. 4. Aufl. Konstanz*, München, UVK Verlagsgesellschaft mbH, 2012, 179 s. (in Germ.).
21. Habermas Jü. *Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus*, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1973, 195 s. (in Germ.).
22. Petrazhitskii L. I. *Theory of state and law in connection with the theory of morality*, Saint Petersburg, Lan', 2000, 608 p. (in Russ.).
23. Schmitt C. *Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty*, Chicago, University of Chicago Press, 2005, 70 p.
24. Voplenko N. N. Legality and legitimacy, *Novaya pravovaya mysl'*, 2003, No. 1, pp. 11–14 (in Russ.).
25. Denisenko V. V. *Legitimacy as a characteristic of the essence of law: introduction to the theory*, Moscow, Yurlitinform, 2014, 184 p. (in Russ.).
26. Isaev I. A. Legitimacy and legality in the constitutional process, *Istoriya gosudarstva i prava*, 2012, No. 6, pp. 2–6 (in Russ.).
27. Krasnov A. V. Legitimacy of law: axiological aspect, *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2019, No. 1, pp. 87–90 (in Russ.).
28. Chestnov I. L. Legitimacy as a feature of law, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Ser. Yurisprudentsiya, 2018, No. 3, pp. 71–77 (in Russ.).
29. *Legitimacy of law*, eds. E. N. Tonkov, I. L. Chestnov, Saint Petersburg, Aleteiya, 2019, 496 p. (in Russ.).
30. Panchenko V. Yu. *Legal interaction as a type of social interaction*, Moscow, Prospekt, 2015, 232 p. (in Russ.).
31. Cliteur P., Ellian A. *A New Introduction to Jurisprudence: Legality, Legitimacy and the Foundations of the Law*, London, Routledge, 2019, 222 p.
32. Rossinskii B. V., Stakhov A. I., Zapol'skii S. V. et al. *Forms and methods of state governance under the modern conditions of development*, ed. S. V. Zapol'skiy, Moscow, Prometei, 2017, 394 p. (in Russ.).
33. Habermas Jü. *Postmetaphysical thinking: Philosophical essays*, Cambridge, London, The MIT Press, 1992, 241 p.
34. Habermas Jü. Postscript to Between Facts and Norms, *Habermas, Modernity and Law*, ed. M. Defflem, London, Thousand Oaks, New Delhi, Sage Publications, 1996, p. 136.
35. Abd al'-Ali Maazuz. *State of truth and theory of discussion: reading the political and juridical doctrine by Habermas*, p. 111 (in Arabic).
36. Johnson P. *Habermas: Rescuing the public sphere*, London, New York, Rutledge, 2006, p. 85.
37. Habermas Jü. *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1996, p. 298 (in Germ.).
38. Habermas Jü. Nachholende Revolution und linker Revisionsbedarf. Was heißt Sozialismus Heute?, *Habermas Jü. Die Nachholende Revolution. Kleine Politische Schriften*, VII, Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1990, s. 186 (in Germ.).
39. Musadak Kh. *Jürgen Habermas and Frankfurt school: theory of critical communication*, Beirut, Arabskii kul'turnyi tsentr, 2005, p. 191 (in Russ.).
40. Froomkin A. M. Habermas@Discourse.Net: Toward a Critical Theory of Cyberspace, *Harvard Law Review*, 2003, Vol. 116, No. 3, January, p. 757.
41. Defflem M. Introduction: Law in Habermas's theory of communicative action, *Habermas, Modernity and Law*, London, Thousand Oaks, New Delhi, Sage Publications, 1996, p. 12.

Дата поступления / Received 03.07.2019

Дата принятия в печать / Accepted 26.08.2019

Дата онлайн-размещения / Available online 25.09.2019

© Skorobogatov A. V., Али Аббод Малик, 2019

© Skorobogatov A. V., Ali Abbood Malik, 2019